

ВЕРА
РУДЕЦКАЯ

МАЖОР

парни на выжигание

18+

Вера Рудецкая

Мажор. Пари на выживание

«Автор»

2026

Рудецкая В.

Мажор. Пари на выживание / В. Рудецкая — «Автор», 2026

Я долго выстраивала свою жизнь — и наконец всё встало на свои места. А потом я нашла парня у мусорных баков. Избитого. Злого. Он твердил, что он не бомж, хотя выглядел хуже любого из них. Бомж с замашками мажора. Привела домой. Отмыла. Накормила. Но тогда я даже не представляла, во что ввязалась.

© Рудецкая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вера Рудецкая

Мажор. Пари на выживание

Пролог

Тим

В моём мире продаётся всё. Но сегодня впервые я сам чувствую себя товаром.

Лёд в стакане тает. Я смотрю, как прозрачные кубики уменьшаются, и думаю о том, что всё в моей жизни работает именно так. Медленно. Красиво. Всё под контролем.

VIP-зона закрытого клуба. Привычный мир.

Девушки за соседним столиком поворачиваются в мою сторону каждые тридцать секунд. Я считал. Потом перестал. Знакомые парни подходят, жмут руку, хлопают по плечу. Кто-то заводит разговор о новом «Порше». Кто-то спрашивает про вечеринку в субботу. Отвечаю на автомате, потому что эти разговоры — фоновый шум. Только и всего.

Ли́ка сидит рядом. Её пальцы скользят по экрану телефона под столом. Она думает, что я этого не замечаю. Я замечаю всё. Профессиональная деформация — когда растёшь среди людей, которые врут так же легко, как дышат, учишься читать жесты раньше слов.

— Кто пишет? — спрашиваю, не поворачивая головы.

— Мама.

Ли́ка убирает телефон в сумочку и берёт бокал. Делает глоток. Напоказ облизывает нижнюю губу. Обычно этот жест работает.

Сегодня что-то сбоит.

Она отводит взгляд. Смеётся над шуткой на секунду позже, чем нужно. Поправляет волосы слишком часто. Мелочи. Я коллекционирую их весь вечер.

— Я вернусь, — говорит она и встаёт.

Провожая её глазами. Красное платье. Каблуки. Походка, отрепетированная перед зеркалом до автоматизма. Уходит в сторону террасы.

Опустошаю бокал. Жду пять минут. Десять. Встаю.

Прохожу мимо барной стойки, мимо девушки, которая пытается поймать мой взгляд, мимо охранника, который еле заметно кивает.

Выхожу на террасу.

Ночной воздух освежает.

Нахожу их сразу.

Ли́ка стоит в дальнем углу. Спина к перилам. Руки — на плечах Влада. Он прижимает её к ограждению и целует.

Секунда. Две.

Стою и смотрю. Внутри — вместо взрыва — тишина. Задевает. Но трагедии нет.

Отлипают друг от друга. Поворачиваются.

У Ли́ки в глазах — паника.

— Давно стоишь? — голос чуть хрипит.

— Достаточно.

Влад делает полшага в сторону. Трусливый жест.

— Тим, послушай... — начинает он.

— Закрой рот.

Закрывает. Смотрю на Ли́ку. Жду.

— Это не то, что ты думаешь...

— Хочешь сцену? Серьёзно?

— Но я...

— Без разницы.

Отворачиваюсь. Иду. У порога, не оборачиваясь:

— На этом всё.

Клуб. Музыка доносится издалека. У открытого окна — мои парни. Макс, Дэн, Артём. Считывают мгновенно — видели Лику.

Макс достаёт сигарету. Щёлкает зажигалкой. Затачивается. Выпускает дым в окно.

— Впечатляет, — говорит, разглядывая огонёк.

— Да пошёл ты.

Усмешка.

— Лика с тобой из-за бабок была. Я предупреждал. — Артём хмыкает.

Дэн отводит взгляд — ему хватает совести хотя бы на это.

— Неправда.

— Без папиных денег... — Макс лениво тянет слова. Так он всегда — сын прокурора.

— Ну сам понимаешь.

— Я — это я. Отец — это отец.

— Да? А что ты умеешь, Белинский? Тратить. И всё.

С террасы выходят Лика и Влад. Влад за её спиной ухмыляется — ловлю боковым зрением. Не хочу, чтобы они это слышали.

Что-то внутри переключается.

— Три месяца, — говорю я первое, что пришло в голову.

Макс поднимает бровь.

— Что?

— Три месяца. Без денег. Без связей отца. — Шаг к нему. Он перестаёт курить. — Проживу как обычный человек. Работа. Жильё. Девушка, которая захочет быть рядом, не зная, кто я.

— Тим, ну ты что? Я же тебя люблю... — тянет Лика.

Не оборачиваюсь. Она меня больше не интересует.

— Ты пьяный, — говорит Артём.

— Трезвее, чем когда-либо.

Достаю бумажник и швыряю на подоконник. Итальянская кожа, инициалы «Т.Б.» золотым тиснением. Купюры веером по мраморной поверхности. Лика провожает их взглядом — рефлекс, от которого даже сейчас не может удержаться.

Расстёгиваю ремешок часов. «Патек Филипп». Подарок отца на двадцатилетие. Часы кладу рядом с деньгами.

Телефон. Последняя модель, ещё не вышла в продажу — отец достал. Экраном вниз. Последнее — ключ от машины. Подарок матери на день рождения.

Стою перед ними в джинсах и белой футболке. Пустые руки. Пустые карманы.

Макс гасит сигарету. Ирония уступает место интересу.

— И что ты хочешь доказать?

— Что я — не кошелёк.

— А ничего не выйдет? — шуруется.

— Тогда ты был прав. И я буду жить с этим. И всё это будет вашим: телефон, часы, тачка. Тишина.

— Три месяца, — повторяю для себя.

Разворачиваюсь. Иду к двери.

— Белинский!

Останавливаюсь. Не оборачиваюсь.

— Ты идиот. Но если вытянешь — с меня ящик «Макаллана».

Толкаю дверь в зал. Музыка волной. Иду мимо танцующих, бара, мимо всего, что десять минут назад было моей жизнью.

Ступени. Тротуар. Ночной город.

Руки в карманах. Ни телефона, ни навигатора, ни понимания — куда. Фонари кладут жёлтые круги на асфальт. Где-то гудит ночной трамвай.

Из-за мусорных баков возле обшарпанного дома выходят трое.

Глава 1

Мусор в час ночи выносят только те, кому нечего терять. Ну и я.

Толкаю плечом ржавую дверь подъезда. Петли стонут на весь двор. Ветер тут же забирается под куртку и кусается. Перехватываю пакет, прижимаю к бедру и иду к бакам.

В голове — калькулятор. Восемь тысяч — мамины таблетки. Две с половиной — кроссовки Максусу, потому что старые разошлись по шву, а он молчит, стягивает их шнурками потуже и думает, что мы с мамой слепые. Моя смена в кофейне приносит три. Пять дополнительных дежурств подряд. Сессия. Коммуналка. Цифры наслаиваются друг на друга, спрессовываются в бетонную плиту, и эта плита лежит у меня на диафрагме с сентября.

Морщу нос от запаха гнили. Вдыхаю ртом. Размахиваюсь. Пакет летит в контейнер. Попадание.

Рядом — шорох.

Замираю. Медленно поворачиваю голову к трансформаторной будке.

Между кирпичной стеной и переполненным баком кто-то сидит. Фонарь, единственный рабочий на весь двор, выхватывает из темноты вытянутые ноги в грязных ботинках.

Бандит. Наркоман. Пьяный сосед. Или всё сразу.

Здравый смысл говорит — уходи. Ноги делают шаг вперёд.

Я всегда была такой. Мама говорит — в отца. Брат говорит — идиотка, и это ближе всего к правде.

Подхожу на три шага. Щурюсь. Наклоняюсь, пытаюсь разглядеть лицо.

Человек шевелится. Медленно поднимает голову.

Свет ложится на его черты — и я выпрямляюсь.

Парень лет двадцати — чуть больше.

Разбитая губа. Кровоподтёк на левой скуле, свежий, уже наливающийся синевой. Белая футболка на животе превратилась в бурое месиво. Он сидит прямо на асфальте. Спина прижата к кирпичной стене. Ноги раскинуты. Поза человека, который сел и понял, что встать уже не получится.

Взгляд цепляется за ткань его джинсов. Строчка безупречная. Ткань плотная. Серебряная пряжка ремня ловит блик фонаря. Украл?

Наши глаза встречаются.

Парень смотрит на меня так, будто я залезла к нему в гостиную и наследила на паркете. Его взгляд проходится по моей куртке — синтетика, катышки на рукавах, молния заедает с октября. По кроссовкам — левый с дыркой. По мне. Целиком.

Отворачивается.

— Скорую вызвать? — спрашиваю я.

— Иди мимо.

Голос хриплый.

— С удовольствием.

Разворачиваюсь.

Моя жизнь и так похожа на горящий самокат, который катится под горку. Спасение хамоватых незнакомцев в программе ночи отсутствует.

— Эй.

Я останавливаюсь. Зачем — сама пока не знаю.

— Я не бомж.

Оборачиваюсь. Он по-прежнему сидит.

— Ну да, — киваю я. — Конечно. Принц на помойке. Карету подогнать?

Он шурится. Пытается вытереть кровь с подбородка тыльной стороной ладони. Движение выходит рваным. Пальцы подрагивают. Он сжимает кулак.

— Воды дай, — бросает он.

— Круглосуточный магазин за углом, — отвечаю я. — Два квартала. Ножками.

Он упирается ладонями в асфальт. Напрягает руки. Под кожей вздуваются вены. Приподнимается — сантиметров на пять — и оседает обратно. Сквозь стиснутые зубы выходит шипение.

Стою и смотрю. Он тоже. В его глазах — злость.

— Скорую вызову, — говорю я тише. — Или позвоню кому-нибудь из твоих. Родителям? Парень вскидывает голову. В его глазах что-то меняется. Стискивает зубы.

— Только попробуй.

Я поднимаю ладони. Жест капитуляции.

— Ладно. Умирай тут. Мне в шесть на смену.

Разворачиваюсь. Иду к подъезду. Считаю шаги. Окликнет или нет?

Один. Два. Три. Четыре.

На пятом — глухой удар за спиной.

Оборачиваюсь.

Он лежит на боку. Лицом в асфальт. Одна рука подвёрнута под корпус. Вторая вытянута вперёд. Пальцы разжаты. Он совершенно неподвижен.

Я ругаюсь. Вслух. Громко. Использую всё, чему научилась в кофейне, в общежитии, в маршрутках, на кассе супермаркета.

Подбегаю к нему. Падаю на колени. Хватаю за плечо. Ткань футболки под пальцами — тёплая, влажная, липкая.

— Эй! — Трясу его. — Вставай. Слышишь? Я тебя тут брошу. Я серьёзно.

Он мычит.

— Давай, — я тяну его за руку. — Вставай. Поднимайся.

Он поднимает голову. Смотрит на меня расфокусированно. Потом стискивает зубы и закидывает руку мне на плечи.

Тяжёлый.

Мы выпрямляемся. Кое-как.

От него пахнет алкоголем и парфюмом — древесным, тёплым, с нотой чего-то горького. Мои лёгкие заполняются этим коктейлем целиком.

Первый шаг. Мои кроссовки скользят. Его ботинки загибаются по асфальту. Он переставляет ноги механически: левая, правая, пауза, левая. Я тащу его к подъезду.

— Тяжёлый, блин, — бормочу я, потому что молчание невыносимо. — Ты это знаешь?

— Девяносто три, — хрипит он.

— Боже.

— Мышечная масса.

— Поздравляю. Я сейчас сдохну.

Он хмыкает. Или кашляет. Я не разбираю.

Подъездная дверь. Наваливаюсь на неё спиной. Она поддается. Мы вваливаемся в коридор. Лампочка мигает. Пахнет сыростью и подвалом. Лестница перед нами — четыре ступени до площадки первого этажа. Сейчас они выглядят как подъём на Эльбрус.

Ступенька. Я упираюсь ногами. Тяну. Он цепляется за перила свободной рукой. Костяшки белеют.

Ещё одна.

— Потерпи, — выдыхаю я.

— Я терплю, — цедит он. — Это ты дышишь как паровоз.

— Я тащу девяносто три кило по лестнице.

Последняя ступень. Площадка. Моя дверь — три шага направо. Единственное, что мне сегодня подарила Вселенная, — первый этаж.

Достаю ключи свободной рукой. Пальцы мокрые — то ли от пота, то ли от его крови. Ключ промахивается мимо скважины. Ругаюсь шёпотом. Попадаю со второго раза. Поворачиваю. Толкаю дверь ногой.

Мы вваливаемся в прихожую.

Убираю плечо. Он оседает по стене вниз. Приземляется на линолеум. Ноги вытягиваются и занимают всё пространство — от двери до обувной тумбочки. Одна его ступня в ботинке упирается в мою старую сумку.

Я отступаю. Прижимаюсь к противоположной стене. Вытираю лоб рукавом.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Тишина.

— Эй. Имя. Чтобы знать, что писать на могильной плите.

Уголок губ дёргается. Трещина на нижней расходится, и на ней выступает капля крови. Он слизывает её кончиком языка.

— Тим.

Голос усталый.

— Тимофей, что ли?

— Типа.

— Я Надя.

Он открывает глаза. Смотрит на меня. Усмешка.

Я скрещиваю руки на груди.

— Что?

— Ничего.

— Тебе не нравится моё имя?

— Нравится.

Пауза. Закрывает глаза. Откидывает голову к стене. Кадык дёргается на плотной шее.

— Надя, — повторяет он тихо.

Но напрягает сейчас не имя. А то, что я впустила в дом человека, которого вижу впервые. И понятия не имею, чем это мне обернётся.

Глава 2

Моя прихожая рассчитана на одного человека. Сейчас в ней сидит гора мышц с повадками царя и видом бродяги — и от контраста хочется смеяться и плакать одновременно.

Тим привалился к стене. Грязь с его ботинок осыпается на линолеум хлопьями. Кровь на скуле уже подсохла. Губа разбита. Один глаз заплывает.

— Поднимайся, — говорю я. — Идём в кухню.

Он упирается ладонью в стену. Пальцы оставляют тёмный след на обоях. Встаёт. Задевает плечом дверной косяк. Делает шаг.

— А разуться?

Смотрит на меня так, будто я требую сделать ремонт в квартире. Разувается. Идёт.

Иду следом.

Оцениваю его спину. Широкие плечи. Рельефная мускулатура под грязной футболкой. Бродяги обычно тощие. На такое тело нужны деньги, белок, тренажёрка. Подпольные бои? Вышибала в сомнительном клубе? Я притащила в дом проблемы. Идиотка.

Заходим на кухню. Под потолком мигает лампа. Она мигает всегда — я уже перестала замечать. А Тим замечает. Щурится. Морщит нос.

— Садись на табуретку.

Он опускается. Табуретка скрипит под его весом. Вытягивает ноги и они упираются в ножку стола. Стол сдвигается на сантиметр.

Достаю из шкафчика аптечку. Ставлю на стол перекись, вату, йод. Мой жалкий арсенал.

— Снимай футболку.

Он тянет за край. Ткань присохла к ране на животе. Тим морщится. Пальцы соскальзывают. Пробует снова. Шипит сквозь зубы.

— Убери руки.

Подхожу вплотную. От него пахнет алкоголем, кровью и терпким парфюмом. Дорогим парфюмом. Я невольно втягиваю, а потом задерживаю дыхание. Секунду. Потом выдыхаю.

Берусь за край его футболки. Дёргаю вверх.

Тим перехватывает моё запястье. Сжимает пальцы — железная хватка. Его взгляд впицается в моё лицо. Тёмные глаза, расширенные зрачки. Угроза в каждой чётточке.

Я смотрю в ответ. Спокойно.

— Отпусти. Иначе пойдёшь истекать кровью на лестницу. — Делаю паузу. — Выбор за тобой.

Секунда. Его пальцы разжимаются.

— Умница, — говорю я.

Челюсть Тима каменеет. Ему не нравится это слово. Отлично. Мне не нравится кровь на моём линолеуме. Мы квиты.

Стягиваю футболку. Чтобы ткань отошла от раны, приходится смачивать. Тим выдыхает рвано, но молчит. Терпеливый. Или упрямый. Бросаю тряпку в мусорное ведро.

Его торс — карта чужой жизни. Синяки расплзаются по рёбрам. Ссадина на животе неглубокая, но длинная. Старые шрамы на боку — тонкие, ровные.

Я не спрашиваю. Он не объясняет.

Смачиваю вату перекисью. Прикладываю к разбитой скуле. Перекись шипит. Тим — тоже.

— Обезболивающее есть? — Голос хриплый.

— Есть бинт. Можешь пожевать.

Уголок его губы дёргается. То ли усмешка, то ли гримаса боли. С таким лицом сложно разобрать.

Прижимаю ватный тампон к губе. Он отстраняется.

— Лёд дай.

Тон приказной. Короткие фразы. Привык командовать — это чувствуется в посадке головы, в развороте плеч. Даже сидя на моей хромой табуретке, полуголый и избитый, он умудряется выглядеть так, будто это я у него в гостях.

— Лёд остался в Антарктиде. Терпи.

Обрабатываю ссадины на животе. Синяки будут цвести неделю, но кости вроде в порядке. Он следит за моими руками. Взгляд цепкий.

— Медсестра? — спрашивает.

— Учусь на фармацевта.

Он хмыкает.

— Воды, — бросает он.

Снова приказ.

Беру кружку со сколотым краем. Наливаю воду из-под крана. Ставлю перед ним.

Тим берёт кружку. Осматривает скол. Переводит взгляд на отклеивающиеся обои возле плиты. На пятно от протечки на потолке. На сушилку с тремя тарелками и одной вилкой.

На его лице медленно проступает выражение, которое мне хочется стереть наждачкой. Пренебрежение. Он оценивает мою бедность, как экспонат в музее «Так тоже живут». Как дала бы по шее!

— Нравится экскурсия? — Я скрещиваю руки. — Могу провести в ванную. Там занавеска с дельфинами. Главная достопримечательность.

Он отводит взгляд. Выпивает воду. Ставит кружку. Благодарность пропускаем. Ожидаемо.

— Готово. — Закрываю аптечку. — Ванная налево. Там умывальник. Полотенце — серое. Синее не трогай.

Тим встаёт. Табуретка скрипит с облегчением. Он уходит в коридор. Шум воды заполняет квартиру.

Я быстро протираю клеёнку на столе. Вытираю кровь с линолеума. Прячу аптечку. Руки пахнут перекисью. Мою их дважды.

Он возвращается через пару минут. Лицо чистое. Волосы влажные, зачёсаны назад. И вот теперь — теперь я вижу его лицо целиком. Без грязи и крови.

Резкие скулы. Тяжёлая челюсть. Прямой нос — чудом уцелевший в сегодняшней драке. Тёмные глаза, глубоко посаженные. Красивый.

Ещё раз обрабатываю перекисью там, где требуется.

Достаю из шкафа плед. Бросаю на продавленный диван в углу кухни.

— Спать будешь здесь. Утром дверь захлопнешь. Замок защёлкивается сам. Если голодный — поищи что-то в холодильнике. Разрешаю. А я устала.

Он смотрит на диван. Потом на меня. Брови чуть приподнимаются.

— А ты?

— А я в своей комнате. За закрытой дверью. С задвижкой.

— Боишься?

— Не доверяю. Чувствуешь разницу?

— И в чём разница?

— Я тебя подобрала. Боялась бы — прошла мимо.

Он молчит. Пару секунд его взгляд задерживается на моём лице. Потом он садится на диван. Пружины стонут.

— Спокойной ночи, — говорю я.

Ухожу в комнату. Закрываю дверь. Щёлкаю металлической задвижкой — нарочно громко. Пусть знает правила.

Падаю на кровать прямо в одежде. Потолок белый. Точнее, когда-то был белый, а теперь цвета несбывшихся надежд и усталости. Завтра смена в шесть. Машины лекарства. Макс и его кроссовки. Долги. Моё расписание забито под завязку. Спасение незнакомцев вписано между «оплатить коммуналку» и «сдохнуть от усталости».

Глаза закрываются.

Просыпаюсь от жажды.

Сажусь на кровати. Темно. Телефон показывает три ночи.

Встаю. Отдвигаю задвижку. Выхожу в коридор.

На кухне пусто. Плед валяется на полу, скомканный. Табуретка сдвинута. Кружка стоит на столе — вымытая.

Тима нигде нет.

Глава 3

Надя

Иду в коридор. Проверяю входную дверь. Под ногой что-то хрустит.

Опускаю взгляд. На сером коврикe лежит купюра. Красная бумажка аккуратно прижата моим ключом от почтового ящика.

Тим снял его с крючка. Положил деньги. Ушёл.

Выдыхаю. Плечи опускаются сами. Поднимаю купюру. Сминаю в кулаке.

Восемь тысяч стоят мамины таблетки. Две с половиной — кроссовки ботинки брату. Эта подачка закрывает половину дыры в моём бюджете. А у меня всегда дыра в бюджете.

Оставляю деньги себе. Медицинский тариф. Перекись, зелёнка, потраченные нервы и полночи сна, которые я уже не верну.

Скатертью дорога, Ваше Высочество. Карета подана. Лакеи ждут.

Иду умываться. Ледяная вода бьёт по щекам. Хорошо. Мозги на место. Надеваю рабочую футболку кофейни — чёрную, с дурацким логотипом. Натягиваю куртку. Молния заедает на середине. Дёргаю бегунок. Раз. Другой. Справляюсь.

Я всегда справляюсь. Это мой единственный талант.

Беру сумку. Выхожу в прихожую. Толкаю входную дверь.

Тим

Холодно.

Шагаю по растрескавшемуся асфальту. Во рту солоноватый привкус. Разбитая губа опять кровит.

Рука тянется в правый карман, туда, где всегда лежат ключи от машины. Привычка работает быстрее мозга.

Пусто.

Хлопаю по левому бедру. Телефон.

Ничего.

Останавливаюсь возле переполненного мусорного бака. Там, где меня вчера отколошматили.

Мой импульсивный спор обернулся проблемой. Я сам отдал ему кошелёк. Часы. Ключи от тачки. Сам вышел на улицу и сказал — вернусь через три месяца.

Три месяца.

Оглядываюсь на обшарпанный фасад дома. Краска облупилась до бетона. Окна тёмные. Над подъездом болтается фонарь.

Доказать парням свою состоятельность казалось отличной идеей. Я был уверен в себе. Красноречив. Пьян.

Сейчас реальность догоняет.

Стою посреди улицы без денег и телефона.

Мне нужна база. Точка старта. Тёплое место, где можно лечь, подумать и всё спланировать.

Вспоминаю девчонку. Ей оставил последнюю пятёрку.

Надя.

Колючая. Упрямая. Живёт в квартире, где линолеум вздулся пузырями. Смотрит на меня так, будто я — пятно на её свитере.

Впустила меня ночью. Обработала раны. Даже не дрогнула.

И тут щёлкает.

Она станет моим билетом. Перекантуюсь у неё. Найду работу. Заработаю. И она, конечно, в меня влюбится. Иначе и быть не может. Мне даже стараться не придётся.

Идеальный план. Простой. Рабочий.

Разворачиваюсь. Иду к старой двери подъезда. Тяну ручку на себя. Петли скрипят.

Поднимаюсь.

Встаю у её двери. Жду.

Надя

Открываю дверь.

Тим.

Руки в карманах. Тёмный взгляд упирается в моё лицо. Под левым глазом расплывается фиолетовый синяк.

Смотрит сверху вниз.

Сжимаю лямку сумки.

— Забыл попрощаться?

— Я остаюсь.

Голос ровный.

Усмехаюсь. Задираю подбородок.

— Я похожа на ночлежку?

— У меня есть деньги. Я заплатил.

— Ты оплатил зелёнку. — Загибаю палец. — Бинт. — Второй палец. — И моральный ущерб. Мой линолеум стоит дороже.

Молчит. Смотрит. Ждёт.

Делаю шаг вперёд. Пытаюсь обойти его справа.

Он сдвигается. Перекрывает дорогу. Заполняет собой половину площадки.

— Дай пройти, — говорю я. — Автобус через десять минут.

— Мне нужно жильё.

— Улицы свободны. Выбирай любую лавочку. В парке неподалёку — хорошие. С подлокотниками.

Он стискивает челюсти. Желваки перекатываются под кожей.

— Я буду платить за аренду.

— Отлично. Звони в агентство. Могу одолжить телефон на один звонок. Наберёшь друзьям — пришлют вертолёт. Спасательный. С шампанским.

— Звонить некому.

— Твои проблемы, — говорю я.

Пытаюсь протиснуться мимо. Плечо задевает его грудь — и Тим пошатывается. Спина скользит по стене. Пальцы хватаются за перила.

Замираю.

Веки дрожат. Голова откидывается назад.

Тим оседает.

Глава 4

— Вставай, — говорю я. — Хватит придушиваться.

Наклоняюсь. Хватаю за плечо. Мышцы под пальцами каменные. Горячий. Тяжёлый.

— Вставай, кому говорят. Мне на работу через сорок минут.

Он приоткрывает один глаз. Тёмный. Внимательный.

Слишком внимательный для умирающего.

Тяну вверх. Он поддаётся — наваливается всем весом. Я шатаюсь, упираюсь плечом в косяк, стискиваю зубы.

Впускаю его в квартиру.

Бросаю сумку на тумбочку. Закрываю дверь.

Тим выпрямляется. Опирается спиной о стену прихожей. Дышит ровно. Даже слишком ровно.

Смотрю в его глаза. И вижу.

Торжество.

Манипулятор. Чистейшей воды.

Скрещиваю руки на груди.

— И?

Он расправляет плечи.

— Приюти ненадолго. Я заплачу.

Я фыркаю.

— Заплатишь. Конечно.

— Пятьдесят тысяч в месяц. Или сто — если хочешь.

Сто тысяч. У меня платёж за квартиру через две недели, и карточка, на которой осталось столько, что лучше не смотреть. И это не говоря о мамином лечении.

Но я молчу. Потому что человек, который лежит под дверью рано утром, обычно не тот, у кого всегда есть лишние сто тысяч.

— Сейчас у меня денег нет, — продолжает Тим. — Но очень скоро будут.

— Ну, конечно.

— Мне нужна только крыша и душ. Ну и поесть.

То есть ещё и кормить его?

Я смотрю на него. Прикидываю.

Вариант первый: выставляю его за дверь. Он уходит. Я остаюсь одна со своими квитанциями. Ничего не теряю. Ничего не приобретаю.

Вариант второй: он остаётся. Денег я, скорее всего, не увижу. А если увижу? Как же понять, что он не врёт? А ещё...

Взгляд цепляется за кран на кухне. Третий месяц капает. За вешалку, которую я сама прикрутила — криво. За дверцу шкафа, которая держится на честном слове и прозрачном скотче. Да много чего не так в моей квартире. А денег нет и не предвидится.

— Допустим. Допустим, я подумаю.

Его глаза вспыхивают. Рано.

— Деньги — это отлично. Когда они появятся — поговорим. А пока ты отрабатываешь каждый квадратный метр. Кран на кухне. Шкаф в коридоре. Карниз в спальне, который я два месяца боюсь трогать. И всё остальное, на что я покажу пальцем.

Пауза.

— Бесплатного проживания здесь нет. Вообще. Ни одного дня.

Он смотрит на меня. Оценивает. Уголок губы ползёт вверх.

— Идёт.

— И учти. Ты сказал — сто. Я запомнила.

— Мне кое-кто должен. Крупно. Так что деньги будут. И работу я найду быстро.

Он произносит это так, будто ему стоит только щёлкнуть пальцами. Может, он даже сам в это верит.

— Работу? — Я киваю на кухню. — Тебе повезло. Работа нашла тебя сама.

Открываю кладовку. Достая швабру. Пластиковое ведро. Жёлтую губку. Бутылку «Доместоса». И перчатки. Розовые с цветочками.

Вручаю весь арсенал ему в руки.

Он берёт швабру машинально. Опускает взгляд. Губка. Ведро. Перчатки.

Розовые цветочки.

На его лице происходит кое-что интересное. Быстрая, непроизвольная смена кадров: удивление — злость — недоумение.

Принц получил поролоновый меч.

— Ты серьёзно? — Голос тихий. Опасный.

— Абсолютно.

— Я тебе не уборщик.

— Ты мне вообще никто. Пока. А уборщик — это уже статус. Его надо заслужить.

Пауза.

Он стискивает ручку швабры. Костяшки белеют.

— Унитаз ждёт своего героя, — говорю я. — Ванна — тоже. Плитка на стенах должна стать белой. К моему возвращению вся сантехника блеснит, полы вымыты. А я поесть принесу.

Молчит. Секунду. Две. Три.

Я вижу, как он сдерживается.

Вот и славно.

Беру сумку. Открываю входную дверь.

— Приятного дня, Тимофей.

Выхожу. Дверь захлопывается за моей спиной.

Улыбаюсь. Впервые за утро.

Тим

Она уходит.

Стою посреди крошечного коридора с ведром в одной руке и шваброй в другой. Розовые перчатки свисают с края ведра.

Тишина.

Опускаю взгляд на губку. Жёлтый поролон, потрёпанный, с въевшимися пятнами.

Бросаю всё на пол. Ведро гремит. Швабра падает, бьёт по стене.

Квартира маленькая. Я вижу её целиком отсюда, из коридора. Комната — метров пятнадцать. Кухня — закуток с плитой и холодильником, который гудит на одной ноте. Окно в комнате — узкое. Занавеска застиранная.

Диван.

Иду на кухню. Открываю холодильник. Лампочка мигает. На полке — кусок масла в фольге. Банка солёных огурцов. Кетчуп.

Закрываю.

Сажусь на табуретку. Она качается — одна ножка короче.

Мой пентхаус — двести квадратов. Панорамные окна. Кофемашина, которая стоит больше, чем вся мебель в этой квартире. Я нажимал кнопку — и через минуту держал капучино с миндальным молоком.

Здесь на столе стоит кружка с отколотым краем и пакетик растворимого кофе рядом.

Но я должен выиграть спор.

Встаю. Подхожу к ведру. Поднимаю. Швабру прислоняю к стене.

Розовые перчатки.

Натягиваю.

Иду в ванную. Щёлкаю выключателем. Лампа загорается с задержкой — моргает пару раз, будто раздумывает.

Белый кафель. Жёлтый налёт у стыков. Зеркало с трещиной в углу. Унитаз.

Открываю крышку.

Смотрю.

Раньше у меня была домработница. Инна Петровна. Приходила по вторникам и пятницам. Я даже лица её толком не помню. Только запах — чистящее средство и свежее бельё.

Открываю «Доместос». Запах хлорки бьёт в нос. Лью. Много. Синяя жидкость стекает по стенкам.

Беру губку.

Глава 5

Надя

Двенадцать часов на ногах превращают лестничный пролёт в Эверест.

Я тащу себя по ступеням. Сумка впивается в плечо. Колени гудят. Мозг выключился где-то на уровне третьего этажа, и дальше меня несёт чистый автопилот.

Ключ проворачивается в замке.

Хлорка бьёт в лицо стеной. Глаза обжигает. Горло перехватывает. Я инстинктивно прикрываю нос рукавом куртки и делаю шаг внутрь.

Моя квартира пахнет так, будто кто-то пытался её стерилизовать. Или уничтожить улики.

Дверь ванной распахнута. Заглядываю. Унитаз сверкает. Плитка сверкает. Даже потолок, кажется, сверкает. На полу валяется пустая бутылка «Доместоса» — Тим вылил её целиком. Полки заляпаны пеной. Губка разорвана пополам, словно он бился с ней в рукопашную и проиграл.

Иду дальше.

На кухне — плеск. Монотонный, ровный, уверенный шум воды. Мой подтекающий кран, который я приручила полотенцем и молитвой, решил объявить независимость. Струя бьёт в край раковины. Столешница превратилась в озеро. Водопад стекает на линолеум. Лужа подбирается к плите.

Тим сидит на диване. Ноги вытянуты. Рукава футболки закатаны до локтей, ткань намочила и потемнела. Волосы стоят дыбом. Лицо — маска оскорблённого достоинства. Как будто человек, который вызывает такси одним взглядом, проиграл битву ржавому крану.

Бросаю сумку на табуретку. Шагаю прямо по луже — кроссовки хлюпают, мне уже всё равно. Лезу под раковину. Нахожу вентиль. Кручу. Вода замолкает.

Встаю. Вытираю руки бумажным полотенцем. Бросаю мокрый комок в ведро. Оборачиваюсь.

Тим наблюдает за мной так, будто я только что обезвредила бомбу голыми руками.

— Унитаз ты победил, — говорю я. — Признаю. Правда, дышать в радиусе трёх метров от ванной теперь невозможно, но это мелочи.

Молчит. Смотрит исподлюбья. Челюсть сжата.

— А кран устроил тебе апокалипсис.

— Я пытался его подтянуть.

— Чем? — Я окидываю взглядом кухню. — Силой мысли?

— Руками.

— Голыми?

Пауза.

— У тебя нет инструментов.

— У меня есть разводной ключ. В ящике. Под раковиной. Прямо там, где ты героически сражался с вентиляем.

Он отводит взгляд. На секунду. Возвращает обратно. В глазах мелькает что-то — раздражение, стыд, или их причудливый гибрид.

— Я понял это примерно на пятой минуте.

— И следующие двадцать пять потратил на то, чтобы доломать?

Молчит.

Я осматриваю масштаб катастрофы. Столешница вспухла по краям. Линолеум пошёл волнами. Плинтус потемнел. Мой квартирант сидит посреди этого хаоса с видом принца, которого заставили чистить конюшни, а лошадь его лягнула.

Опираюсь бедром о сухой край стола. Скрещиваю руки.

— Базовые вещи, — говорю я. — Кран. Губка. Дозировка моющего средства. Тебе двадцать с чем-то лет, Тим.

— Двадцать два.

— И до сегодняшнего дня тебе ни разу не пришлось мыть унитаз?

Он поднимается. Медленно. Диван скрипит. Футболка натягивается на плечах.

— У меня были другие приоритеты.

— Например?

— Например, не жить в квартире, где кран держится на молитве.

Я выдыхаю через нос. Короткий смешок.

— Этот кран работал три года. С небольшой протечкой, которую я контролировала. И вот пришёл ты — рыцарь с голыми руками — и за день превратил мою кухню в аквапарк.

Тим делает шаг. Второй.

Кухня крошечная. Пять квадратных метров, если считать щедро. Он заполняет их целиком — плечами, ростом, запахом хлорки, под которым пробивается что-то дорогое. Парфюм. Тот самый. Который я замечаю каждый раз и каждый раз злюсь, что замечаю.

Подходит вплотную.

Я скидываю подбородок. Смотрю снизу вверх. Мне приходится запрокинуть голову — он выше на целую голову, и это бесит тоже.

— Смени тон, — цедит он.

Голос тихий. Ровный. Из тех, которыми отдают распоряжения прислуге, водителям и всем, кто ниже по пищевой цепочке.

Я сохраняю зрительный контакт.

— Иначе что? Выльешь на меня остатки «Доместоса»?

Желваки перекатываются под кожей. Взгляд темнеет. Он привык, что люди отступают перед его ростом и взглядом. Привык к «да» и «конечно».

А тут я. В мокрых кроссовках. С двенадцатичасовой сменой за спиной. И абсолютно пустым резервуаром терпения.

— Я предложил тебе деньги, — цедит он сквозь зубы.

— А я предложила тебе сделку. Жильё в обмен на помощь по дому. Ты согласился. И провалил первую задачу.

— Я вымыл ванную.

— Ты залил в неё литр концентрата. Там сейчас можно проводить вскрытие.

Он подаётся вперёд. Сантиметр. Я чувствую тепло его тела. Или это мой жар от злости.

— Я не привык к такой работе.

— Это заметно.

— И меня бесит твоё снисхождение.

— А меня бесит твоя беспомощность.

Мы стоим друг напротив друга. Между нами — сантиметров пятнадцать. Лужа на полу. Запах хлорки. И что-то ещё. Что-то, чему я отказываюсь давать название.

Тим опускает взгляд. На стол. Там лежат розовые резиновые перчатки — мокрые, скомканные. Он берёт их. Швыряет на залитую столешницу. Вода брызгает. Пара капель попадает мне на щёку.

Я стираю их тыльной стороной ладони.

— Полегчало?

Его ноздри раздуваются.

— Я отказываюсь играть в прислугу.

— А я отказываюсь содержать постояльца, который разносит мне квартиру.

— Ты мне не хозяйка.

— Ты мой должник.

Что-то мелькает в глазах — тень.

Потом его лицо закрывается. Ставни вниз. Замки на три оборота.

— Я закончил с этим цирком.

Разворачивается. Шагает в коридор. Обувает ботинки прямо на босу ногу — сминает кожаные задники. Хватает куртку с крючка.

Я иду за ним. Стою в дверях кухни. Прислоняюсь плечом к косяку.

— Тим.

Он замирает. Рука на дверной ручке. Спина ко мне. Широкая, напряжённая.

— Удачи с краном, Надя.

Дверь хлопает.

Глава 6

Тим

Холод отрезвляет на третьем шаге.

На пятом — добивает.

Я иду по двору, засунув руки в карманы куртки, которая стоит больше, чем вся сантехника в её квартире. Ботинки на босу ногу. Задники смяты. Пятки горят на каждом шаге — асфальт ледяной, а подошва тонкая, потому что эти ботинки шили для мрамора и паркета, а вовсе не для ночных прогулок по спальным районам.

Ворота двора. Детская площадка с ржавыми качелями. Ларёк, закрытый на ночь. Фонарь мигает — лампа при смерти.

Я сажусь на лавку. Холодную, мокрую. Плевать.

Злость ещё кипит. Где-то внутри, за рёбрами, пульсирует оскорблённое эго. Я отказываюсь играть в прислугу. Красивая фраза. Эффектный уход. Хлопнул дверью. Классика.

И что дальше?

Дальше — лавка. Фонарь. Проигранный спор. Уже вижу, как прощаюсь со своей тачкой и остальными вещами.

Телефона нет. Кошелёк пуст.

Ветер забирается под куртку. Я поднимаю воротник. Бесплезно — ткань тонкая, дизайнерская, рассчитанная на перебежку от такси до ресторана.

Смешно.

Тимофей Белинский. Двадцать два года. Сидит на лавке в чужом дворе с мокрыми рукавами и запахом хлорки на пальцах. Минуту назад гордо хлопнул дверью единственного человека, который пустил его переночевать.

Гордость — отличная штука. Сытая, тёплая, уверенная в себе. Но на холоде она сдувается быстро. Минут за десять.

Я считаю.

Пятнадцать.

Двадцать.

Голова включается.

Факты просты. У меня ничего нет. Вот-вот проиграю спор. Вот будет ржак для пацанов и Лики.

Остаётся она. Девчонка в мокрых кроссовках, которая устала и пришла домой — а там я. Апокалипсис из хлорки и воды. И ещё хамлю.

Я встаю. Разворачиваюсь к подъезду.

Двор тёмный. Фонарь всё мигает. Я обхожу угол дома и вижу подъезд.

И останавливаюсь.

У двери — двое. Мужчина и женщина. Мужчина — коренастый, в кожанке, руки в карманах. Женщина стоит чуть позади, скрестив руки, лицо скучающее. Профессиональная скука — я такую видел у юристов отца перед тем, как они кого-то уничтожали.

Между ними — Надя.

Сумка на плече. Ключи зажаты в кулаке. Она вышла выкинуть мусор — в руке пакет, из которого торчит горлышко пустой бутылки «Доместоса».

— ...я сказала: пятнадцатого. Раньше — физически нечем. У меня нет волшебного принтера.

Голос дерзкий. Но я слышу то, что прячется под дерзостью. Я это слышу, потому что сам такой, когда блефую.

Мужчина делает шаг ближе. Надя отступает. Спина касается стены подъезда.

— Пятнадцатое было в прошлом месяце, Надежда Сергеевна. И в позапрошлом. И я чего-то устал ходить.

— Мне жаль, что вы устали. Могу порекомендовать удобную обувь.

Он перехватывает её за локоть. Пальцы впиваются в рукав куртки. Надя дёргается, но хватка держит.

— Ты дерзкая для девочки, которая должна двести тысяч.

— Сто сорок. Считать умеете?

Женщина позади вздыхает. Достает телефон. Снимает.

— На память, — поясняет она. — Чтоб потом боссу показать. Он любит, когда должники шутят.

Надя бледнеет. Рука с ключами опускается. Дерзость ещё на лице, но фундамент трескается. Я вижу, как дрожит нижняя губа. На секунду. Потом она сжимает рот и вздёргивает подбородок.

Мне хватает.

Я иду.

Шаги по асфальту. Ботинки на тонкой подошве. Смятые задники. Мокрые рукава. Запах хлорки. Со стороны я выгляжу, вероятно, как бездомный, который заблудился по дороге в приют.

Но есть вещи, которые одеждой не маскируются.

Мужчина оборачивается первым. Оценивает. Я знаю этот взгляд — быстрый, снизу вверх, считающий угрозу. Рост, ширину плеч, походку.

Подхожу. Встаю рядом с Надей. Смотрю на его руку на её локте. Потом — ему в глаза.

— Убери руку.

Тихо. Спокойно. Тем самым тоном, которым отец разговаривает с людьми за секунду до того, как их жизнь необратимо меняется.

Мужчина моргает. Пальцы разжимаются. Он отреагировал раньше, чем успел подумать. Тело узнало интонацию, которую голова ещё обрабатывает.

— Это кто? — Женщина опускает телефон. Прищуривается.

Я поворачиваюсь к ней. Медленно. Так, чтобы она поняла: я не тороплюсь. Мне торопиться некуда. Мне спешить не нужно.

— Камеру выключи, — говорю я. — Если через три секунды я вижу экран — звоню кому... вам не обязательно знать кому. И он найдёт каждое ваше нарушение за последние пять лет. Каждое.

Пауза.

Она убирает телефон.

Мужчина выпрямляется. Пытается вернуть контроль.

— Слушай, парень...

— Я не парень. — Шаг вперёд. Один. — И ты больше сюда не приходишь. Ни пятнадцатого. Ни двадцатого. Ни в другой день, который тебе покажется удобным. Вопрос закрыт.

Он смотрит на меня. Долго. Ищет слабинку. Ищет блеф. Я выдерживаю взгляд, потому что в этой конкретной игре у меня много лет практики.

— Пойдём, — говорит он женщине. Негромко. — Разберёмся позже.

Они уходят. Шаги по двору. Скрип ворот. Тишина.

Я выдыхаю.

Руки дрожат. Незаметно — я прячу их в карманы. Адреналин схлынет через минуту. Может, через две.

Поворачиваюсь к Наде.

Она стоит у стены. Ключи в кулаке. Пакет с мусором у ног — выронила и не заметила. Смотрит на меня.

Я знаю, как выглядит страх. И удивление. И тот момент, когда человек пересобирает картинку, потому что кусочки перестали складываться.

Надя молчит.

Я тоже.

— Двести тысяч? — спрашиваю я наконец. Голос хриплый. Горло перехватило на холоде.

— Сто сорок, — поправляет она.

И мы стоим. В темноте. У подъезда. Двое, у которых на двоих — ноль рублей, дерзости — хоть отбавляй и одна маленькая квартира.

Но она смотрит на меня так, будто впервые видит.

И я думаю: может, впервые и видит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.